

В.И. Балабина

О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ, ЕЕ РЫЦАРЯХ И БАРДАХ

(Т.С. Пассек, Б.А. Латынин и А.А. Потапов)

Татьяна Сергеевна Пассек – яркая фигура в отечественной археологии. Она долго возглавляла целое направление нашей науки и в исследовании трипольской культуры навсегда останется звездой первой величины. Все, кто вспоминают о ней, говорят о прекрасно воспитанной, очень красивой, но уже немолодой даме, которая не особенно любила распространяться о себе. По прошествии времени мало кто может рассказать о Татьяне Сергеевне начала 40-х гг., а уж о более раннем времени – и подавно. Изустная традиция утрачена. Поэтому в редких и случайно сохранившихся рукописных материалах нас всегда будут ожидать открытия. Даже посвящения друзьям на собственных книгах могут оказаться источником неожиданной информации. Так уж случилось, что именно на моем экземпляре МИА №10, купленном у букинистов в 70-е гг., есть довольно любопытный автограф Татьяны Сергеевны:

«Моей дорогой Ольге Николаевне с неизменной любовью дарю эту книгу – хочу, чтобы она знала, что делал автор книги в те годы, когда Танюша-певунья умолкла. Т. Пассек. 13/VII 1952»

Ни в биографиях Татьяны Сергеевны, ни в воспоминаниях о ней ни разу не упоминалось о том, что она пела. Похоже, что Ольга Николаевна, которой была подарена книга, была очень давним другом Татьяны Сергеевны и знала ее совсем иной.

Другое открытие из области «чудесного» связано с небольшой коричневой картонной папкой. На ней из отдельных голубых букв выклеена надпись «СТИХИ». Эта папка несколько десятилетий хранилась в столе заведующего ОПИ, куда ее положила, наверное, еще Л.А. Евтюхова, разбиравшая архив Татьяны Сергеевны в конце 60-х. В папке оказались стихи и рисунки, большая часть которых адресована Б.А. Латынину и Т.С. Пассек. Датируют-

ся они 1929-1938 гг. Так неожиданно появились совершенно новые материалы о Татьяне Сергеевне и ее друзьях 30-х гг. На папке под голубой надписью «СТИХИ» карандашом приписано, что это стихи А.А. Потапова, скончавшегося, вероятно,¹ 12 сентября 1938 года.

Александр Александрович Потапов был археологом. Его полевая деятельность была очень активной, но печатных работ осталось совсем немного. Именно поэтому имя Потапова основательно подзабыто. Биографию его удастся восстановить лишь в самых общих чертах. Известно, что А.А. Потапов родился в Туле в 1894 г. Судя по сохранившимся в той же коричневой папке небольшим прозаическим наброскам, по-видимому, автобиографическим, он окончил Харьковский университет. В конце 20-х гг. был сотрудником Харьковского археологического музея.

Где-то на рубеже 30-х гг. Потапов перебрался в Москву (в его папке нет стихов, написанных в Харькове после 1928 г., а первые московские относятся к 1932 г.). Попав в столицу, Потапов долго мыкался с жильем. На это обстоятельство он время от времени сетовал в своих посланиях, или «виршах», как он их называл. В 1932-1933 гг. его стихи и письма были написаны в Ноевке. Населенный пункт с таким названием в Подмосковье отсутствует, но подходящая топографическая привязка обнаружилась в самой Москве, на Воробьевых горах. На плане города 1895 года там, неподалеку от Андреевского монастыря, фигурирует садоводство Ф.Ф. Ноева, который купил знаменитую тогда подмосковную усадьбу Дмитриева-Мамонова («Мамонову дачу»)². Лишь в 1934 г. у Потапо-

¹ В одном из писем к Тальгрину Пассек и Латынин хлопотали о привлечении Потапова, тогда еще харьковчанина, к участию в сборнике в честь А.А. Спицына (Судьба ученого 2000: 71).

² Позднее, в 1913 году усадьба была приобретена городом (Нашокина 1995).

ва появляется определенно московский адрес: Новослободская, 59, кв. 5, и он начинает подписывать свои произведения «Сашенька Московский» или ставить после даты привязку: «Москва». В начале 30-х гг., судя по упоминаниям в «виршах», Потапов работал в каком-то московском музее (но известно, что не в Историческом и не в Музее Антропологии). Неожиданную подсказку дал упомянутый топоним Ноевка. Дело в том, что во дворец Дмитриева-Мамонова в 1924 году был переведен Дашковский этнографический музей, тогда же переименованный в Музей народоведения.³ Еще Потапов сотрудничал со СРЕДАЗКОМСТАРИС (позднее УЗКОМСТАРИС).⁴ В середине 30-х гг. был сотрудником МОГАИМК.

В коричневой папке, помимо стихов и прозы, сохранились два важных документа: опись архива А.А. Потапова и акт о его передаче в УЗКОМСТАРИС, от имени которого 29 августа 1939 г. все бумаги принимала Т.С. Пассек. Материалы, находящиеся в папке, не фигурируют в описи научного архива А.А. Потапова. Скорее всего, Татьяна Сергеевна их просто оставила у себя и сохранила.

По имеющейся описи архива, опубликованным работам, а также благодаря стихам и карикатурам, частично восстанавливаются хронология и география научных интересов и полевой деятельности Потапова. В 1925-1928 гг. он работал на Кавказе и в Закавказье. «Краткий предварительный отчет» (опись папки «Кавказ») свидетельствует о разведках на Кавказе в 1925 г. Еще об одной поездке в Закавказье напоминает посвященный В.М. Зумнеру⁵ «Гимн Азербайджану», который был написан 22 января 1928 г. Тогда же у него вышли три работы, связанные с этим регионом (Потапов 1925; Потапов 1928а, б). В конце 20-х годов Потапов также занимался степными памятниками (Потапов 1930; Potapov 1929). Целый альбомчик с картинками и стихотворными комментариями повествует о том, как в 1930 г. Потапов начал раскопки Пскентского могильника под Ташкентом. Вместе с ним там были Б.А. Латынин, В.Д. Жуков и Т.Г. Оболдуева. Приезжал в гости М.В. Воеводский. Есть информация о

продолжении работ на Пскентском могильнике в 1938 г. (Судьба ученого 2000: 71). Хотя согласно надписи карандашом на коричневой папке, в том самом году, 12 сентября, А.А. Потапов умер. До обнаружения папки даже дата его смерти не была известна. Обстоятельства смерти неясны и сейчас, но официальная передача архива в УЗКОМСТАРИС через год после смерти Потапова свидетельствует о том, что репрессирован он не был.

В 30-е гг. Потапов много работал в Средней Азии. В архив УЗКОМСТАРИСа были переданы папки с его рисунками архитектурных деталей, сделанными в Таш-Хаули, Ак-Мечети, Кяте. В папке «Чирчик» находился план археологических разведок в окрестностях Ташкента, а также «Предварительный обзор тепе Среднего Чирчика». Одно из язвительных стихотворений 1932 г. («Сталинабад») напоминает о путешествии на юг Таджикистана. В августе 1934 г. Потапов побывал в Хиве. Об этом свидетельствует опись папки «Узоры Хивы» из его архива (двери, камни, базы), а также одна карикатура того времени, которая дала довольно точную дату. Кроме того, в архиве Потапова фигурирует папка «Оссуарии», содержащая картотеку, выписки из литературы и черновик опубликованной рукописи «Рельефы древней Согдианы» (Потапов 1938).

В 1933 г. А.А. Потапов принимал участие в археологических исследованиях на первой линии московского метрополитена. Он был одним из четырех начальников участков. Его отрезок трассы находился на Волхонке и Остоженке, в районе будущей станции Дворец Советов (Кропоткинская). Остальными участками руководили С.В. Киселев, А.П. Смирнов и А.В. Арциховский (Пассек 1935; Потапов 1935). В коричневой папке есть наброски «Метро-поэмы», датированные 17 ноября 1933 г. 23 июня 1935 г. Потапов послал Татьяне Сергеевне стихотворное «Письмо из Казахстана» из поселка Алексеевский на Тоболе, где он работал на раскопках знаменитого Алексеевского поселения эпохи поздней бронзы. В июле 1937 г. Потапов вместе с Пассек отправился в Азербайджан исследовать Джафарханский могильник. Это многотрудное путешествие тоже нашло отражение в ироничных стихотворных набросках.

Большинство стихов и рисунков в коричневой папке принадлежит А.А. Потапову. Некоторые рисунки с шутивными комментариями сделаны Б.А. Латыниным. Судя по стихам, круг московских друзей Потапова – это Т.С. Пассек (в текстах: Татьяна, Татьяночка, Тата, Солнышко, Прекрасная Дама, Начальство), О.Н. Бадер (Отто, Оттон, Оттоша), М.А. Розанова-Бадер

³ А.А. Формозов вспоминает, что в 30-е годы Музей народоведения называли «Ноевой дачей». В этом музее тогда по совместительству работала и Т.С. Пассек.

⁴ СРЕДАЗКОМСТАРИС – Среднеазиатский комитет по охране памятников старины и искусства. УЗКОМСТАРИС – Узбекский Комитет по охране памятников старины и искусства.

⁵ Всеволод Михайлович Зумнер – искусствовед. В 1913 г. окончил Университет в Киеве. Возможно, до революции там преподавал. В 1925 году переехал в Баку. В 30-40-е годы работал в Узбекистане. По-видимому, А.А. Потапов познакомился с Зумнером еще на Украине, встречался с ним в Азербайджане и в Средней Азии.

Рис. 1: 1 – Пассек и Латынин в гостях у Деевых 6 июля 1929 г.

(Маруся), М.В. Воеводский (Миша), Б.Н. Граков (Грак). Есть стихи о Б.С. Жукове. А еще Потапов дружил с Б.А. Латыниным (в текстах: Борис, Боренька, Бор. А-лыч, «полпред»). Они вместе работали в Средней Азии.

В коричневой папочке Потапова сохранилась маленькая фотография, подаренная ему Татьяной Сергеевной, на которой она и Латынин сняты в гостях у директора брянского музея Деева⁶ (рис 1: 1). На обороте сообщается: «С.С. Деев, Б.А. Латынин, Т.С. Пассек, М.К. Деева и Пиратка – сенбернар. Пьем чай». Стоит дата: 6 июля 1929 г. и подпись Пассек. Этот групповой портрет относится ко времени работ Пассек и Латынина на Брянщине. Близкая по времени фотография приведена на страницах сборника «Судьба ученого» (после с. 40). Здесь Деев, Латынин и Пассек с этим же Пираткой сняты на стоянке «Куракин бор».

В коричневой папке есть шаржированный парный портрет Латынина и Потапова (работы последнего), датированный 19 января 1932 г. Этакие «Пат и Паташон»: маленький круглый Потапов в пальто и шапке, высокий худой Латынин в своей знаменитой бекеше и каскетке. Весьма многозначительный текст таков: «Что, товарищ, не растешь? Или воздух не хорош?» (рис. 1: 2). Эта карикатура помогла отождествлению небольшой фотографии самого Потапова, которая тоже обнаружилась в коричневой папке (рис. 1: 3). Похоже, того же времени рисованное повествование Латынина о «похождениях Потапенки⁷ в Ленинграде в 1932 г.». Мо-

жет быть, это самые ранние из сохранившихся «бегемотиков» Бориса Александровича (рис. 2).

Б.А. Латынин после ссылки в Куйбышев (с 4 марта 1935 г.), а потом и ареста (5 февраля 1936 г.), надолго потерял связь с друзьями и лишь через много лет узнал о смерти своего старинного приятеля. В одном из первых писем к Т.Г. Оболдуевой (от 20 марта 1945 г.) он спрашивает об А.А. (Потапове). В следующем письме, от 12 мая того же года, снова вопрос: «Существует ли Александр Александрович, и если да, то, как его борода». Видимо, Татьяна Григорьевна не сразу решилась сообщить правду. Потому что лишь в третьем письме Латынина (от 15 июля 1945 г.) есть отклик на полученное известие: «...эх, Потапенки нет. Жаль его» (Судьба ученого 2000: 79-82).

Большая часть поэтического содержимого коричневой папки посвящена или адресована двум людям – Т.С. Пассек и/или Б.А. Латынину. Рисуночки и шуточные экспромты, сделанные рукой Латынина, – это его ответные «шары» Потапову. Ответов Татьяны Сергеевны в коричневой папке нет. Наверное, полученные «вирши» они больше никому или почти никому не показывали. Только этим можно объяснить то, что бойкий на язык и несдержанный в своих рифмованных высказываниях Александр Александрович Потапов умудрился избежать общения с НКВД. Немногие в те годы позволяли себе столь откровенно делиться впечатлениями о прожитом дне даже с личным дневником.

Для этой публикации из коричневой папки выбраны наиболее интересные стихи, посвященные Татьяне Сергеевне Пассек, а также некоторые стихи и рисунки, связанные с Борисом Александровичем Латыниным. Все это

⁶ В 30-е годы был репрессирован, погиб в Казахстане.

⁷ Потапенко – одно из дружеских прозвищ А.А. Потапова, наверное, было придумано Б.А. Латыниным и напоминало о харьковском прошлом.

дает живой, веселый, насмешливый, но иногда и жутковатый комментарий времени и археологическому житью-бытью. Самое ценное в «виршах» Потапова, на мой взгляд, это подлинность его собственного восприятия событий, сиюминутный отклик, точно датированный годом, месяцем и числом, поскольку все более поздние устные или письменные воспоминания (даже из столов) вряд ли смогли избежать тенденции «додумывания» или смещения акцентов.

В 1930 г. из-под пера Потапова вышла первая крупная стихотворная форма. Над ней он титанически трудился 22, 23 и 27 октября. И это – житие любимого друга, Бориса Латынина.

Борису Латынину Пролог

Мой милый друг, в поэме этой,
Я, заполняя свой досуг,
Спасу от поглощенья Летой
Тебя, себя и весь наш круг.

Хочу вернуть, хочу прославить
Твой смелый дух, мои мечты,
Чтобы наследникам оставить
Дней наших верные черты.

Пускай узнает наша смена,
Как мы переживали дни,
Когда платформа всех – измена,
Во всех науках западни!

Мы археологи, конечно,
Наш узок круг, но не беда!
Представь, как время скоротечно
И как бегут, бегут года...
Придет пора, и в нас с тобою,
Как в представителях среды,
Найдет историк, я не скрою,
Эпохи верные следы.

«...»

Прими же дар мой добродушно!
Прочтя, забудь или забрось,

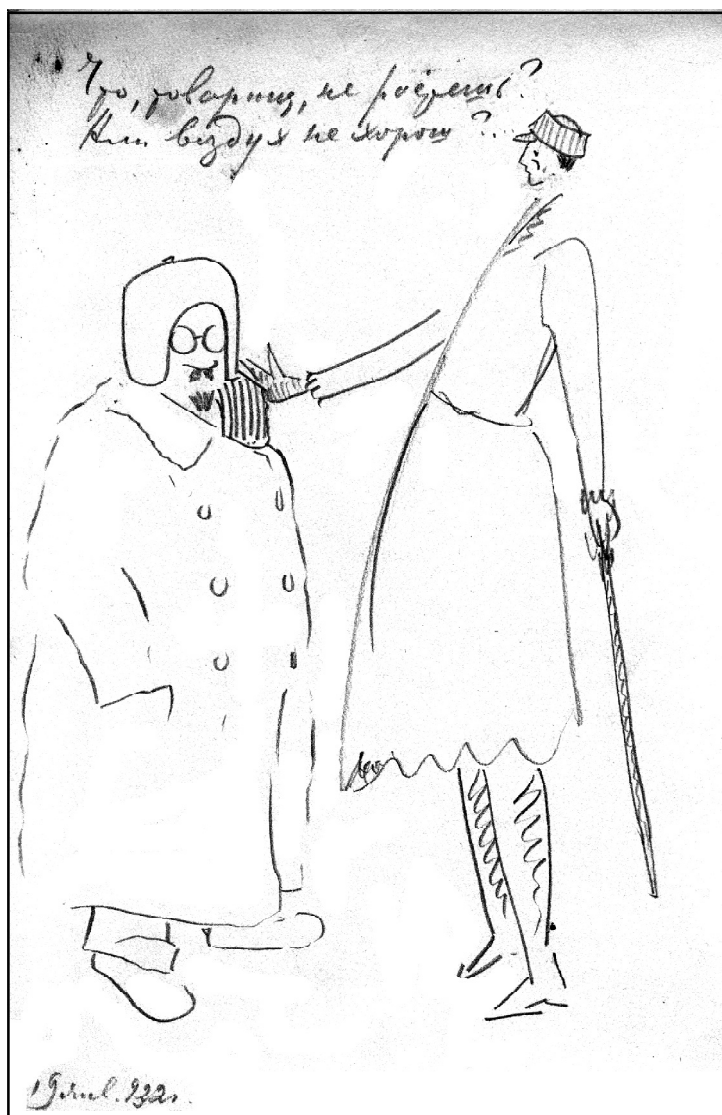

Рис. 1: 2 – Потапов и Латынин, рисунок Потапова, 1932 г. Подпись: «Что, товарищ, не растёшь? Али воздух не хорош?...»

Но истолковывать не нужно
Тебе ни вкривь его, ни вкось...

I

Борис Латынин, мой приятель,
Познавший прелести тюрьмы,
Был реалист, а не мечтатель,
Как, может быть, решите Вы.

Лицей окончил он примерно,
Любил балет и пил вино.
И прокурором непременно
Он был бы уж давным-давно.

Но революция смешала
Все планы Бориной родни:
Лицей окончить – это мало
Для прокурора в наши дни.

И даже хуже: дворянину,
Хотя живет он без оков,
Полезно помнить все ж картину
Далеких хмурых Соловков.

С Борисом же при большевизме
Случился небольшой скандал:
Он нарощенье новой жизни
Через решетку наблюдал.

И позабыть того уроки
Не мог Борис, наперекор
Родне своей он волей Рока
Стал археологом с тех пор.
«...»

Мы все бежали в эти годы
От современности. Куда? –
Конечно же, не на заводы,
Не в царство братского труда.

Для созерцателей нет места
Среди машин, среди станков:
Здесь люди из иного теста –
Закон истории таков!..

Все пристрастились мы к наукам,
Что уводили в мир иной,
Иль душу отдавали звукам
И краскам жизни неземной.

Борис среди мусора стоянок
Доисторических людей
Искал забвенья так же рьяно,
Как фетиш ищет чародей.

Рис. 1: 3 – А.А. Потанов, 30-е годы.

II

Но как аккорд неполнозвучен,
Коль нет порыва и огня,
Так образ Бори неразлучен
С Татьяной Пассек у меня.

Помещицей на Украине
Она родилась средь холмов,
Где жили некогда Будины.
Я знал развалины домов,

Домов старинной Пассековки,
Гнезда дворянского феод...
При современной обстановке
Растаял быстро древний род.

Был стерт историей он скоро
(Так мы с доски стираем мел),
Но для Татьяны род, бесспорно,
Значенье веское имел.

На этом поэма, доведенная до «настоящего момента времени», обрывается. Вот оно, жизнеописание героя на фоне прогрессивных тенденций в родном отечестве. Благодаря «пушкинскому» стиху образ Бориса Латынина поднимается до вершин русской словесности, только гипербол побольше. Так, оказывается, что он окончил не гимназию Видемана, а лицей. Тут уже недалеко и до совершенно фольклорного «пажеского корпуса». Не обойдены вниманием и любовь к балету, и несостоявшаяся юрис-

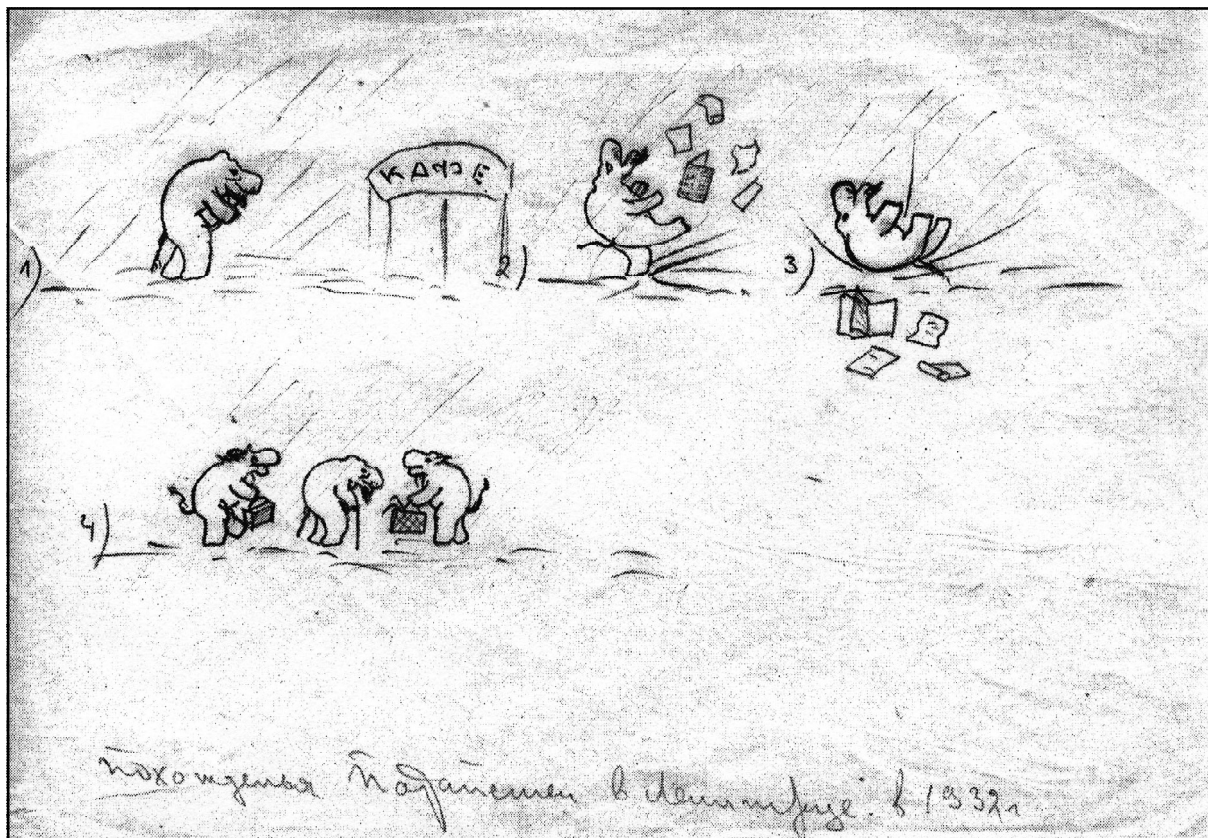

Рис. 2. «Похождения Потапенки в Ленинграде в 1932 г.», рисунок Б.А. Латынина.

пруденция. Во второй части поэмы появляется и Татьяна Пассек. Ей, «помещице на Украине» (родившейся в Петербурге), тоже досталось. Не повезло и с сомнительной старинной «Пассек-ковкой».

В дальнейшем Латынин и Пассек часто оказываются парными персонажами в потаповских «виршах». Мне кажется, что это была своего рода игра, в которой именно тогда обозначились амплуа: импозантный Латынин – рыцарь нового времени, красавица Пассек – Прекрасная Дамы, а сам Потапов – бард, слагающий стихи в честь Дамы, но не забывающий и про рыцаря. Поводы к подобным импровизациям нашлись – и особое, очень похожее на рыцарственное, отношение Латынина к Пассек, и красота обоих, и тематика, над которой они оба работали у Марра в конце 20-х гг. А это как раз сравнительный анализ «Романа о Тристане и Изольде» и фольклорных сюжетов (Латынин, Пассек 1932; Латынин 1932). Есть еще один штрих, подтверждающий предположение о таких амплуа, – игра Потапова в гербы. В его коричневой папке сохранились два варианта изображения одного и того же герба. Оба они тщательно рисованы в цвете (рис. 3: 1, 2). Под одним из гербов приведена ссылка на источник: коллекция печатей европейского дворянства Департамента Гербов Правительственного сена-

та (литера П, корпус 1, таблица 2 №3). Эта литера «П» и то, что герб рода Латыниных совсем другой (Судьба ученого, фото после с. 42), породили догадку о воспроизведении герба Пассеков. И эта догадка подтвердилась.⁸ Думается, тут не обошлось без участия известного специалиста по геральдике В.К. Лукомского, волею судеб оказавшегося среди сотрудников ГАИМК.

Почти все биографические реалии героев поэмы кажутся вымыслом, кроме одной детали, которая несколько настораживает. О каких прелестях тюрьмы дважды упоминает насмешливый Потапов? Возможно, обнаруживается совсем неизвестный факт биографии Латынина, и свой первый арест он пережил вовсе не в

⁸ Приводимое ниже описание герба, которым предки Пассеков пользовались в Польше, сделано старшим научным сотрудником ГИМ, председателем Историко-родословного общества в Москве С.В. Думиним. Он отмечает, что в России в XVIII в. цвета герба несколько менялись, иногда использовались и дополнительные геральдические элементы, в частности, щитодержатели, и именно такие варианты изображения герба Пассеков сохранились в архиве А.А. Потапова (рис. 3: 1, 2).

Исторический же герб дворян Пассек (польский герб Долива) описывается так: «В лазуревом щите серебряная перевязь влево, обремененная тремя червлёными розами. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: два чёрных буйволовых рога (трубы), между которыми три червлёные розы в столб. Намет: лазуревый с серебром». Искренне благодарю С.В. Думина за этот элегантный поворот сюжета.

1935 г., а значительно раньше, между 1917 и 1920 гг. (в 1917 он ушел на фронт, а в 1920 вступил в Красную армию). Наверное, это обстоятельство не афишировалось и ускользнуло от его биографов.

Позднее, в 1936 и 1938 гг., когда все стало гораздо грустнее, Потапов в своих подношениях ко дню ангела Татьяны Сергеевны старается ее поддержать, утешить, развеселить. И вновь строит свои тексты как обращения к Прекрасной Даме. Они написаны от руки на длинных узких полосах плотной бумаги, сложенных гармошкой, чтобы читались как старинные послания. Звучит в них и тема пропавшего рыцаря. Вот так выглядит «Ода» 1936 г., по-видимому, отправленная по почте Татьяне Сергеевне, находившейся в Ленинграде:

Орденосному автору
«Трипольской керамики»
и многих других трудов
Татьяне ПАССЕК
Посвящается

ОДА
На 25 (12-е) января 1936 года

Когда бы кистью, мне послушной,
Как Рафаэль, я мог владеть,
Мог оживлять бы холст бездушный,
Мог в красках плакать, в красках петь,

Я написал бы с Вас картину
На память будущим векам.
Я фоном взял бы паутину...
ГАИМК и грязь, и всякий хлам...

Но то мечты.
А жизнь проходит,
Ни нас, ни гения не ждет,
От дня Татьянина уводит
И снова к дню Ея ведет.

Что делать, Таня?
В этот вечер
Я, одинокий пилигрим,
В Москве сегодня тихо встречу,
Но буду возле Вас незрим.

Прошу, прибор поставьте рядом,
Ну и вина налейте мне,
И год, прожитый Ленинградом,
Я покажу Вам,
Как во сне.

Смотрите, встали тихо тени
Дворцов, стесненных над Невой,
Вот одинокий
По панели,
Сухой,
Замкнутый,
Как немой,

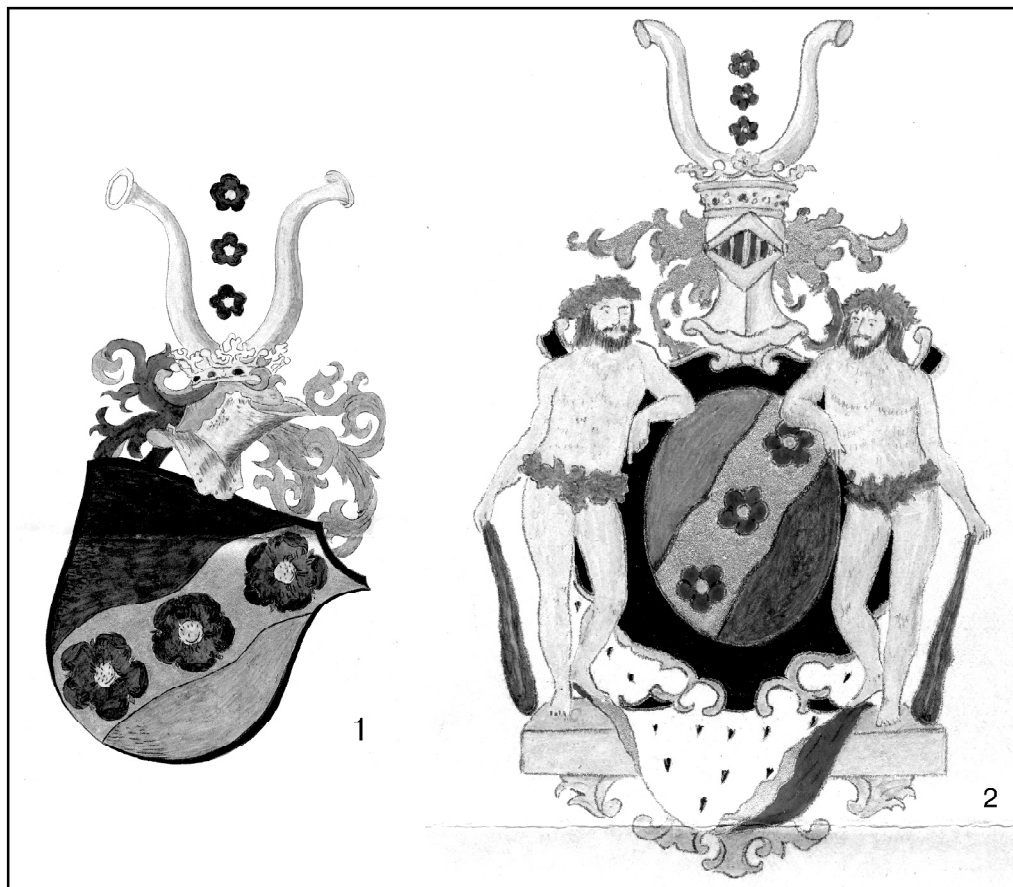
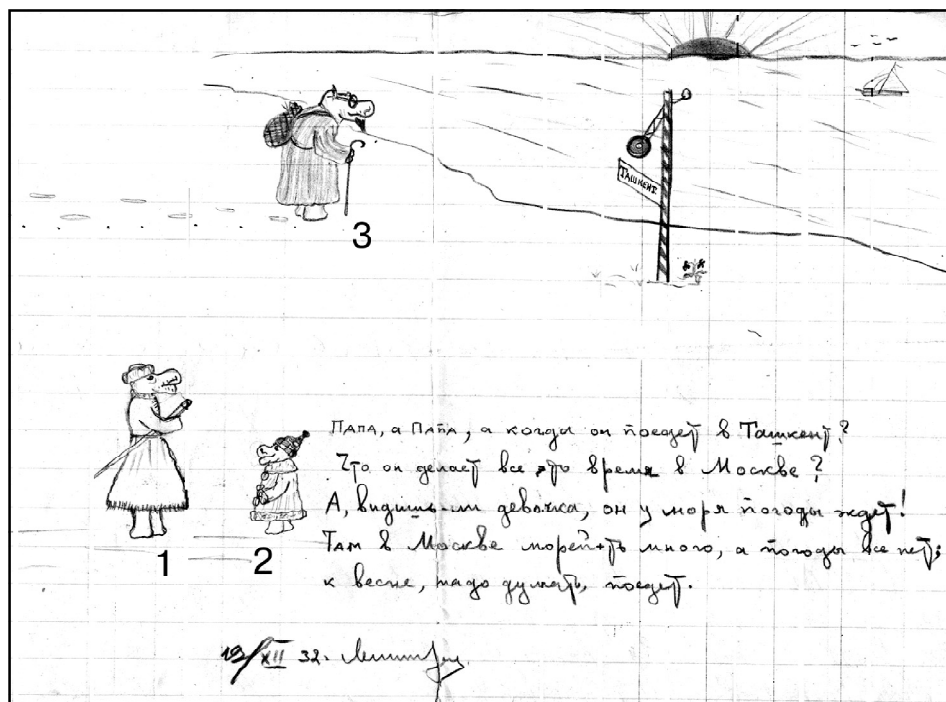

Рис. 3: 1, 2 – варианты изображения герба рода Пассек из коричневой папки Потапова.

Рис. 4. Потапов «ждет у моря погоды», рисунок Б.А. Латынина, датированный 19/XII 1932 года. В виде бегемотиков изображены: 1 – Латынин, 2 – девочка (дочь Латынина Наташа?), 3 – Потапов. Текст таков:

«Папа, а папа, а когда он поедет в Ташкент? Что он делает все время в Москве?» «А, видишь, девочка, он у моря погоды ждет! Там в Москве морей много, а погоды нет. К весне, надо думать, поедет».

Борис шагает...
Призрак, что ли?..

ГАИМК,
А дальше Эрмитаж...
Вот двери открывает страж...
Борис на воле, иль в неволе?..
Не знаю...

Танцевали мы
Последний танец в строгом зале,
И дверь ГАИМКовской тюрьмы
За нами тихо закрывали...

Пронесся шквал.
Бориса нет.
Покрыла плесень жизнь ГАИМКа.
От Марра все ж остался след,
Но дядя стал, как невидимка...
Я вижу,
Стали Вы грустны,
И впрямь, к чему воспоминанья?
О вы, лихого года сны,
Прочь,
Говорю я заклинанье.

На тридцать пятом годе крест
Как знак магический я ставлю.
Прожитых дней, пройденных верст
Забудем бурю,
Злобу,
Травлю.

В день этот,
В день святой Татьяны,

Бывало, двадцать лет назад
В Москве студенты были пьяны
И трезвым мог быть только гад.

Мы пили дружно за науку,
Искусство, счастье и любовь,
За то, что побеждает скуку,
За то, что не вернется вновь...

И вот сегодня я, влюбленный
Художник,
Скульптор, иль поэт,
Воспоминаньем опьяненный,
Я утверждаю:
Равных нет.

Нет равных Солнышку – Татьяне!
В науке нашей нет других,
Кто расцветет и не увянет,
Чье творчество сильно, как стих.

И вот беру я рюмку в руку
Московский тост кричу я вновь:
За Таню выпьем,
За науку,
За счастье, юность и любовь!!

Ваш Сашенька (Московский)

Любопытно, что еще в 1936 г. провидец Потапов в своем торжественном посвящении предвосхитил грядущие научные успехи именинницы и почти угадал ее будущую титулатуру. Положение же Б.А. Латынина в начале 1936 г. было совершенно неясным. Он не был

Рис. 5. Лист из пскентского альбомчика, 1930 год, рисунки и стихи Потапова. Разведка, разбивка курганов. На рисунках изображены: 1 – Потапов, 2 – Оболдуева, 3 – Латынин, 4 – Жуков. Текст, написанный карандашом:
 11. «Слоав винограда ветку,
 По утру пошли в разведку...
 « Вот могильничек на ять –
 « Вскроем тут курганов пять!...»
 12. Мигам дело закипело,
 Земля к небу полетела.
 Мы решили меж собою:
 Зараница нам пример:
 Кто крестом, а кто звездою,
 Кто классическим квадратом,
 Кто траншеей с перехватом!...»

еще осужден. Уже год тянулось странное следствие. Никто ничего о нем не знал.

Второе сохранившееся подношение к именинам, наверное, было зачитано виновнице торжества лично, поскольку внизу, после подписи, указан адрес Татьяны Сергеевны того времени: «на Георгиевском переулке».

Именинный подарок
 от Сашеньки (Московского)
 Тате-Солнышку – Начальству
 в день 25 января 1938 года

В тот день игла Адмиралтейства
 Сияла ярче, чем сейчас,
 Когда в дыму священнодействия
 Татьяной окрестили Вас.

По-христиански святцы чтя,
 Иль по традициям, иль спьяну?
 Вам имя скромное, Татьяна,
 Однако, выбрали-то зря...

Младенцу Пассек (по отцу),
 Конечно, имя то к лицу,
 Но в юности лишь до известной даты
 Смогли носить Вы имя Таты.

А дальше пестрый хоровод –
 Все очарованные Вами,
 И каждый имя Вам дает,
 Как рыцари Прекрасной Даме...

В эпоху грозную, лихую
 Под шелест пурпурных знамен,
 В жизнь эту, вечно молодую,
 Вошли Вы с кучею имен.

Но только два из них остались
 От всей словесной шелухи,
 Которой щедро осыпались
 Вы на своем большом пути.

Борису Солнышком казались
 Средь эрмитажных кислых дам,
 И так всегда им величались
 Вы назло дурам и врагам.

Начальством чтил Вас академик
 Иван Иванович, Дядя наш,
 Среди дискуссий и полемик
 Ваш неизменный друг и страж.

Начальство – Солнышко для всех,
 Кто Вас приветствует сегодня,
 Кто не почтет себе за грех
 Вам имя подменить господне,

Позвольте мне поднять бокал,
 Чтоб Ваш дальнейший путь счастливый
 Все так же искрился, сверкал,
 Чтоб Вас боялся враг трусливый.

Чтоб Вам жилось светло и мило,
 Чтоб путь Ваш легок был и прост,
 И чтоб вошли Вы как светило
 Среди научных наших звезд!

Помимо Б.А. Латынина, здесь фигурирует И.И. Мещанинов (Иван Иванович) – учитель и большой друг Татьяны Сергеевны. Его в археологическом кругу друзей-сверстников Латынина и Пассек, судя по разным контекстным упоминаниям, величали попросту дядей Ваней.

За последние годы, после публикации архивов, рукописей «из столов», мемуаров, переписки и т.д., появилось так много негативной информации о 30-х гг., что теперь даже не очень понятно, как нормальные люди могли тогда жить. Трудно адекватно оценить состояние их умов и душ даже в той, еще не совсем безвоздушной ситуации, которую наш поэт лапидарно обозначил: «когда платформа всех – измена, во всех науках западни». На мой взгляд, на этот вопрос отчасти отвечает содержимое коричневой папки, в которой преобладают разнообразные шуточные послания. Да, на помощь приходила спасительная и вечная, как мир, культура смеха. Она создавала собственную «внутреннюю» атмосферу. А, кроме того, все участники этого веселья были молоды! Вот, например, письмо со стихами, которое Потапов отправил в июле 1932 г. Татьяне Сергеевне, отдыхавшей в Тарусе:

«Вот, дорогой друг, Татьяночка, Вам вместо приветствия на Тарусы! Вы видите, что автор (стойкий пассаковец), следуя примеру Вождя, решил ехать «куда-нибудь подальше». Он так же, как и Вы, любит клубнику со сливками и готов катиться к черту на куличики – туда, где цветет жасмин всегда... Но цветы – это по дороге, а цель – Вахш! Он будет собирать анаусские черепки возле афганской границы, всего в 30 километрах от Индии! И будет подыхать от жажды, пыли и блох. Но это объективная обстановка. И все вместе это пока мираж, «планы».

Во всяком случае, в течение первой половины июля я пребываю на Ноевке, а не в Азии, а потому вправе рассчитывать хоть на одно известие из Тарусы. Всякому ведь интересно знать, как влияет сосновый бор и окская вода на восстановление археологического здоровья!

Прошу приветствовать Ивана Яковлевича!⁹

Не забывайте Вашего П.

Ноевка, 27. VI. 1932.

P.S. Вирши эти послал и Бор. Ал-чу. Пусть посмеется, а то, верно, скучает без дяденьки.

Июль

Москва заметно опустела –
Для всех дни отпуска близки!
Сидят музейщики без дела,
И мухи дохнут от тоски...

Давно уехала Маруся.
Отгоша тоже отпуск взял.
И Миша хвастает не трусая,

Что года на три дачу снял!

Быть может, кроликов заводит
Иль кур породы Виолант?
Но ясно, что его уведит
От нас хозяйственный талант.

В Оке купается Татьяна,
А может быть, и в молоке,
Есть яйца, масло, воздух пьяный,
Что ж еще делать на Оке?

В Москве пустынно, будто в поле.
Нет, не доволен я Москвой!
Уехать в Азию мне, что ли?
А то с тоски хоть волком вой!

Поеду! Буду есть гранаты
И пить верблюжье молоко!
А вы поохайте, ребята,
Как дядя Саша далеко!
Вот!»

Ровно через месяц «дядя Саша» все-таки добрался до Таджикистана и приготовил свой стихотворный отчет:

Письмо из Сталинабада

Нет, друг, поездке я не рад –
Нас черт занес в Сталинабад!
Жара и пыль,
Жара и пыль.
Да черный Ленин, как бобыль
Торчит на площади один...
Ишак над всем здесь господин!
Куда пойдешь?
Он здесь и там –
Его повсюду экскременты...
Строительные эксперименты,
Едва начаты – уже хлам!..
Нет, друг, поездке я не рад.
Взамен красот Сталинабада
Я бы приветствовал, как клад,
Жар преисподней, пекло ада!
И жить там было б не накладней
И, без сомнения, прохладней!
А здесь ты, как червяк презренный,
Ползи в пыли и духоте
С одной заботой неизменной
Лишь о прохладе и питье...
Нет, друг, поездке я не рад.
Будь проклят сей Сталинабад
Отныне присно и вовеки
Со ишаки и человеки!..
Уже второй звонок: динь-динь,
И я шепчу: аминь, аминь...

Сталинабад 27. VII. 1932.

⁹ Иван Яковлевич Гремиславский – муж Т.С. Пассек. Был сценографом МХАТ.

Однако любовь к Азии была сильнее неудобств. Он снова тоскует по любимым экстремальным условиям, снова канючит, но уже обращаясь к Латынину:

И Дядя Саша скис немного.
Ему бы в Азию! Так надо!
Туда одна ему дорога,
А тут паси чужое стадо!

Сбежали главки из отдела
Всего музея – вот напасть!
И вот сиди, сиди без дела...
А ехать надо – просто страсть!

Вы улыбаетесь? Конечно!
Но Вы поймете. В мои годы,
Как это тяжело: бесконечно
Ждать, сидя, у моря погоды!..
Ноевка. 29. XI. 1932.

Ответ «полпреда» не заставил себя ждать. Он нарисован и написан на листе от описи, а датирован 19/XII того же 1932 г. (рис. 4).

Следующее письмо Т.С. Пассек написано

в июле 1934 г., перед отъездом в любимую Азию, но касается оно совершенно новой темы – «лживого полпреда, Бореньки» и несостоявшейся экспедиции на пляже у Сухума (в райском уголке субтропиков), где тогда работали Замятнин и Иессен.

Татьяне Пассек Письмо перед отъездом в Азию

Я написал бы Вам пространный мадригал,
Иль басенку, или сухую притчу
О том, как «Боренька» жестоко нам солгал,
Суля Сухум как верную добычу...

Напомнил бы московский Вам бульвар
Иль парк и Бореньку, шагающего с нами,
Иль Ваш салон (что то же – будуар),
Где Боря Вас пленял поездкою по Капе.

Так экспедициями сыпал он порой,
Как звеньями блестящего мониста,
И нам тогда казался он горой,
С которой к нам текут и Мзымта, и Гумиста...
Вас возмущающий латынинский апломб

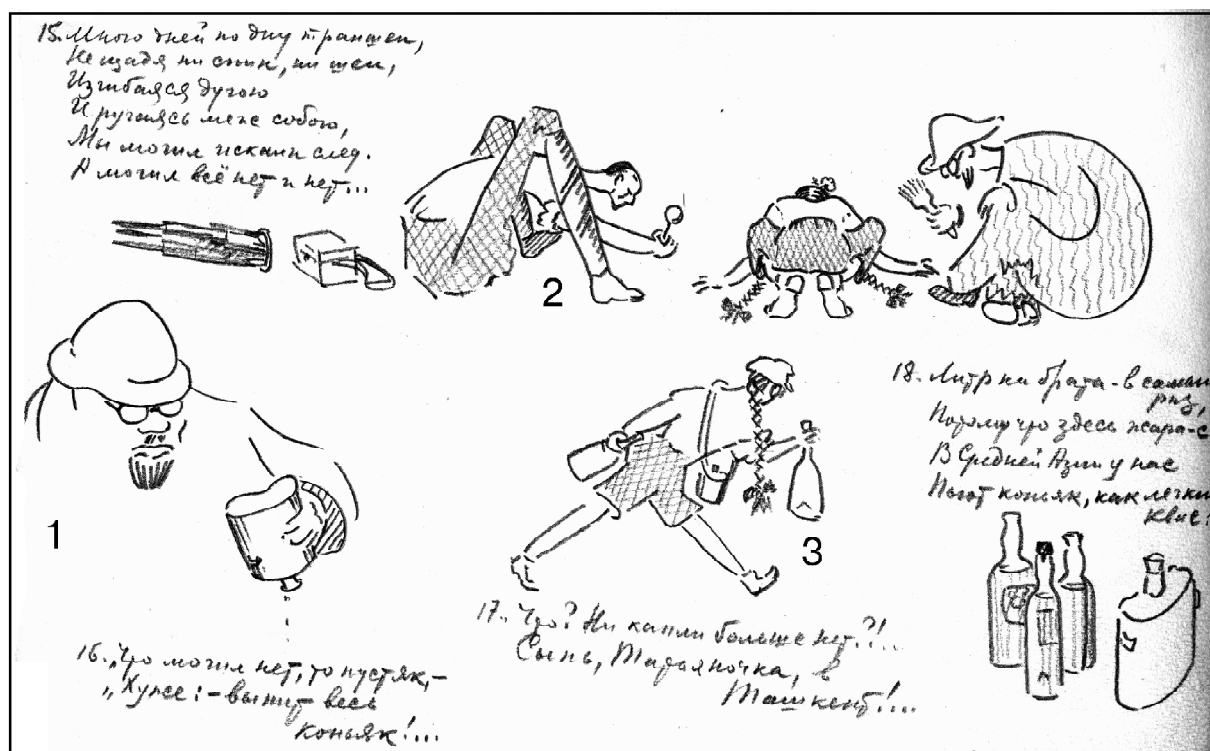

Рис. 6. Лист из пскентского альбомчика, 1930 год, рисунки и стихи Потапова. Раскопки и прочие бытовые трудности. На рисунках изображены: 1 – Потапов, 2 – Латынин, 3 – Оболдуева. Текст, написанный карандашом:

15. Много дней по дну траншеи,
Не щадя спины и шеи,
Изгибаясь дугой
И ругаясь меж собой,
Мы могил искали след.
А могил все нет и нет...
16. Что могил нет, то пустяк -

Хуже, вытит весь коньяк!...
17. Что? Ни капли больше нет?!
Сыть, Татьяначка, в
Ташкент!
18. Литр на брата – в самый раз,
Потому, что здесь жара-с!
В Средней Азии у нас
Пьют коньяк, как легкий
Квас!

Тогда не вызывал протеста или шума:
Ведь ждали же нас, ждали груды пломб,
Монет и черепков на пляже у Сухума!

Да вспомнить совестно теперь,
Как после Бореньки в неистовом азарте
Мы с Вами стали циркулем шагать
По свежекупленной абхазской пестрой карте!

Увы, увы, далек еще Сухум
С его Гумистою, и крепостью, и пляжем!
Но может все взбредить Латынину на ум,
Пока мы с Мишей в чайханах заляжем?

В далекой Азии я буду затемнять
Свое сознание (пусть я противоречу) –
Вином Абхазии я стану заменять
Обещанную нам в Сухуме встречу!

До свидания!
1.VII.1934. Дядя Саша

А вот еще одно подношение Татьяне Сергеевне, но не ко дню ангела, а к Пасхе. Эти стихи, под названием «Красное яичко», подарены ей 7 апреля 1934 г. Они написаны пером на картонных карточках, образующих разрозненную книжку с титулом и оборотом титула. Произведение называется «Портрет», портрет «Ванечки». А Ванечка – это муж Татьяны Сергеевны, Иван Яковлевич Гремиславский. На титуле написано:

Татьяне Пассек
Красное яичко
От Дяди Саши
Изготовлено близ Бутырок
(Новослободская 59, кв.5)
Март-Апрель
1934

Оборот титула:

7 апр. 1934 г.
Дорогая Татьяна Сергеевна!
Вместо красного яичка посылаю Вам
«портрет» (в заголовке обезличка). Жду
Ответ: плохо или нет?
Всегда Ваш
Дядя Саша
Москва

Портрет

Когда б до смерти был рассчитан путь,
И оставалось бы писать лишь завещанье,
Тогда я мог бы горестно вздохнуть
И написать Вам оду на прощанье.

Но как узнать, когда меня свезут
На грязное, забытое кладбище?
Быть может, завтра... Может, все умрут,
А я, как и теперь, буду искать жилище...

Все может быть... Так надо жить умней
И сочинять стихи без всякого предлога!
К тому ж в издании посмертном, ей-ей-ей,
Ведь мне не отличить фальшивки
или подлога!

Начать бы так:
На Хлебном переулке,
В том месте, где торчит мильтон,
Где по ночам шаги пустынно гулки,
Где... Нет! Не выдержать мне этот
скудный тон!

Долой размер!
Долой оковы строчек!
Пусть к дьяволу летят все правила стиха!
Сорвать узду! Ни запятых, ни точек,
И развязать язык! Не будет в том греха...

Пишу.
Хожу.
Шагаю по квартире.
Вот –
«Ванечка» сидит передо мной,
Всем археологам
В московском этом мире
Приветливо кивает головой.

Борис ли длинный,
Мишка ли болтливый,
Иль язва-Сашенька,
Иль сдержанный Оттон, –

Со всеми чинный,
В меру молчаливый,
Без лишних слов
Любезно-светский тон.

Начальство сердится,
Волнуется,
Трепещет,
Болтает,
Шутит
Иль ворчит.

Борис полпредится,
Надуется
Иль блещет,
Глогает пасквили,
А «Ванечка» молчит...

Мы критикуем всех
За чаем,
Имеем радостный
Или угрюмый вид,
И в суете сует
Не замечаем,
Что мы шумим,
А «Ванечка» молчит.

И только Гракова
Отравленные стрелы
По адресу
Марксистов и ослов
Нежданные рождают
Перемены
Да пару солидарных слов.

Лишь пункт один,
Рождающий сомненья,
Волненья, критику,
А в Солнышке – тоску,
Приводит нас в недоуменье,
Что верит «Ванечка»
В подземную Москву!

Пусть верит!
Разными путями
Мы все идем
На тот же звон.
И все к графину
С хрустальями
Не равнодушны,
Как и он.

Пусть золотую нитью сказки
Мы, как графин, оплетены.
Не жить же, право, по указке,
Иль по привычкам старины!

Ведь в позолоченный, коньячный
Графинчик налито вино!
На сей планете неудачной
И мы, и Ваня за одно!

Вот вам и вечер в гостях у Татьяны Сергеевны в 1934 г., где в разговорах за чаем и другими напитками вся честная компания – Воеводский, Латынин, Бадер, Граков и сам Потапов. Кто шумит, а кто более сдержан. Молчит только хозяин дома, в меру любезный, но отстраненный «Ванечка». Зарисовка язвы-Сашеньки кажется довольно верной. Иногда дискуссии здесь возникали бурные. В бумагах Потапова сохранилось «Увещание. На случай, когда Грак сцепится с Борисом»:

Рис. 7. О.Н. Бадер едет с отчетом в Москву. Рисунок Потапова в черновой рукописи «Пассековцев».

Не волнуйтесь! Будьте потише!
Замолчите же, черт вас дерит!
Под одною все будем мы крышей
На канале, а, может, в Твери...

В коричневой папке отражено немало экспедиционных сюжетов. Самый ранний среди них – Пскентский могильник под Ташкентом. Там летом 1930 г. А.А. Потапов начал раскопки курганов. В экспедицию с ним отправились Б.А. Латынин, В.Д. Жуков¹⁰ и совсем юная Татьяна Оболдуева. О том веселом сезоне с удовольствием напоминал ей в письме ссыльный Латынин в 1947 г.: «Вспомните-ка: пошли слушать «нового профессора» Потапенко; поехали в «экспедицию» в Пскент с каким-то чужим ленинградским дядей, малоприветливого, по-честному говоря, вида...» (Судьба ученого: 106). Раскопкам в Пскенте посвящен замечательный альбомчик с рисунками и стихами Потапова. Он заслуживает отдельной публикации. Очень жаль, что эти материалы не по-

¹⁰ Всеволод Донатович Жуков (1902-1962) – археолог, работал в Средней Азии. Был сотрудником УЗКОМСТАРИС, а затем отдела археологии Института истории АН УЗССР.

Рис. 8. Т.С. Пассек решает организационные вопросы.
Рисунок Потапова в черновой рукописи «Пассековцев».

пали в книгу, изданную к столетию Латынина, поскольку обнаружались позже. Здесь же приведем лишь пару листов, живописующих полевые будни (рис. 5; 6).

Экспедиционная тематика отражена и в тоненьком альбомчике для рисования, исписанном стихами Потапова под общим многообещающим названием «Пасквили на друзей». Сразу по окончании труда альбомчик был передан Т.С. Пассек. В верхнем углу обложки стоит ее характерная твердая подпись и дата – XII.1932. Доминанта сочинения – начавшиеся осенью 1932 г. археологические исследования на трассе канала Москва – Волга и перипетии, с ними связанные.¹¹ Одно произведение из альбомчика с «пасквилями» посвящено Борису Латынину, который как раз тогда, в 1932 г., был назначен секретарем только что учрежденного Комитета по организации археологических работ на новостройках. Каналстрой 1932 г. – первый комплекс археологических объектов, исследовавшихся поздней осенью и зимой, под снегом. А еще это – один из первых прецедентов использования труда заключенных в отечественной полевой практике. Итак:

¹¹ В отчете О.Н. Бадера о работах на трассе канала перечислены сотрудники экспедиции: А.П. Манцевич, Т.С. Пассек, А.В. Збруева, И.А. Елизарова, М.А. Розанова-Бадер, Т.Г. Оболдуева, А.С. Шокин, практиканты: Ю.А. Шибаева, Е.А. Токарев, В.В. Сорокин (Бадер, 1935).

Посвящается Борису Л.

Пассековцы в ноябре 1932 года

Одни лишь овцы, мой дружок,
Своих путей не чтут изъяны,
Так оглянись на свой кружок,
Кружок блистательной Татьяны!

Начну с конца – с конца раскопок.
Деревья стынут в серебре,
Повсюду снег, как пух иль хлопок,
Скажи: копают в ноябре?

Копают дьяволы, копают!
Под снегом мерзлый грунт грызут
Когда окончат? – и не знают...
Обед пока что не везут.

С раскопок смылись две Татьяны,
Манцевич тоже удрала,
Но Отто, Отто наш упрямо
Копает дальше на ура!

Ура! Оттоша торжествует:
На лыжах обновляя путь,
Усердно транспорт наш минуя,
В Москву придет он как-нибудь (рис. 7).

Когда?! Ну вот, к чему же спешка?
На Волге мир и тишина
И тут же (факт, а не насмешка)
И материалы, и жена!

Татьяна наша (перл творенья)
Уже успела прихворнуть,
Свезти от Саши пуд варенья,
И даже в Питере блеснуть.

Ей не могу (к чему лукавить)
Ничьих упреков и обид
В акт обвинительный поставить
Вот, разве... сверхблестящий вид!

Блестит, как Солнце в МОГАИМКЕ!
В музее ль, в опере, как бог!
Даже канальские Ефимки
Ей в дар несут пару сапог! (рис. 8)

Обобрала их, словно липки...
Ну-ну, не буду очень строг,
Чтоб не забыть о первой скрипке
Из-за резиновых сапог.

Это все он, Борис Латынин,
Завел с Каналом кутерьму
И дружбой с Мраморным отныне
Спаял Дмитровскую тюрьму.

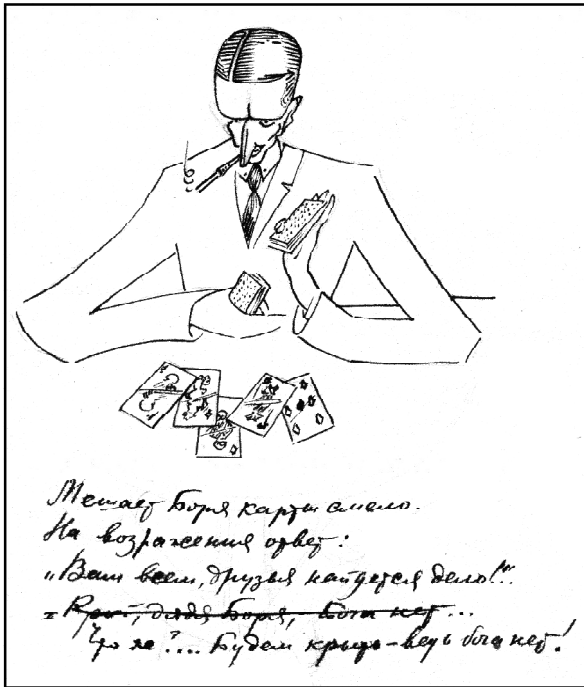

Рис. 9. 1 – рисунок отапова в черновой рукописи «Пасековцев» под названием «Б.А. Латынин – вершитель судьбы».

То лишь начало! Что-то будет,
Масштаб у Бори мировой,
Коль каждый Строй, кто не забудет,
О копачах подымет вой:

«Гробокопатель срочно нужен.
Оклад сверх всяких норм и смет.
Разъезды, все – обед и ужин,
И спецпак на много лет!»

«Для Строя нужен археолог!
Спецархеолог нужен Строю!»
И это будет только пролог
К рекламной буре над Москвой!

Вот перспективка-то, ребята!
А все Борис, все от него!
А ну, кто мастер на разгадки,
Скажи скорее: для чего?

Я Вам скажу, я Вам открою
Затеи внутренний секрет,
Что до прихода к Каналстрою
Томил Бориса много лет.

Борис давным-давно замыслил
Все разногласия изжить
Средь археологов. Он мыслил:
«Цыпленок тоже хочет жить!»

И пусть живет! Дай только корму
«Для всех и каждого!» Тогда
«Исчезнет рознь!» Так взять за норму
«Жратву из общего котла!»

И он решил дать всем работу
И всех при том перемешать:
Башкиров с Мишей, Костя с Отго, –
Разве кто будет возражать?

Мешает Боря карты смело (рис. 9: 1).
На возражения ответ:
«Вам всем, друзья, найдется дело!»...
Что ж... Будем крыть – ведь бога нет...

Но хоть нет бога (по декрету),
Зато у нас Татьяна есть,
И Бороному Комитету
Нас не удастся взять да съесть...
«...»

Ноевка 29. XI. 1932.

Да, Каналстрой стал началом новой реальности для археологов на пару десятилетий. Ученики Татьяны Сергеевны вспоминают рассказы такого рода: «Работали уголовники. Иног-

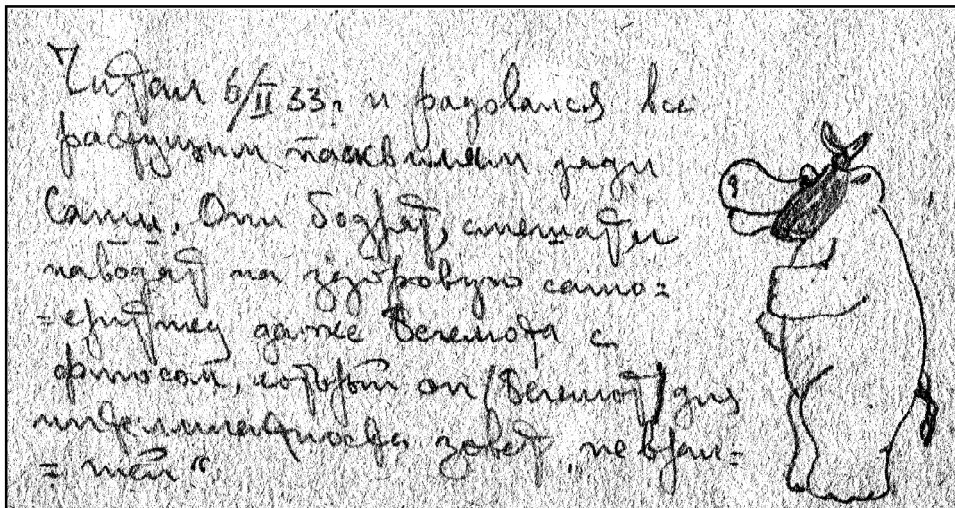

Рис. 9. 2 – автограф Б.А. Латынина на обложке альбомчика под названием «Пасквили на друзей»: «Читал 6/II. 33 г и радовался все растущим пасквилям дяди Саши. Они бодрят, смешат и наводят на здоровую самокритику даже Бегемота с флюсом, который он (Бегемот) для (интригантности) зовет «невралгией».

да происходили весьма неприятные инциденты». Случались, конечно, и курьезы просто забавные, вроде описанной истории с сапогами. Несколько позже, в начале февраля, Татьяна Сергеевна показала альбомчик Латынину – «вершителю судеб». На задней стороне обложки он написал ответ пасквилянту (рис. 9: 2).

Вот кое-что о 1935 экспедиционном годе. Это письмо Татьяне Сергеевне с Алексеевского поселения эпохи поздней бронзы. Потапов поехал туда вместе с О.А. Кривцовой-Граковой. Он явно скучал в местах, так не похожих на любимый Восток.

Начальству Письмо из Казахстана

Где Вы теперь? На Волге? На Днепре?
Иль, может быть, Вы в Питере опять.
Вы собирались, кажется, в апреле
Работать на Метро, потом Сухум копать?

Метро Вы сделали, г. орден получили,
Триполье, кажется, замечано теперь.
Ну а Сухум? Быть может, отложили
На будущий, неведомый апрель?

Апрель минувший был для Вас не сладок.
Тревога, грусть, досада и печаль,
И положенья, полные мучительных загадок,
И странники-друзья, уехавшие вдаль!!!

«...»

Где Вы теперь? А я вот на Тоболе,
Копая скорченных землянку (или две)
И вспоминаю как-то поневоле
О шахматах, о Вас, – ну словом, о Москве.

Копать в Сухуме я мечтал когда-то,
Культуру колхов царственных копать,
Но ни одна обещанная дата
Не принесла мне эту благодать.

«...»

Ваш Сашенька
Поселок Алексеевский 23.VI.1935.

Здесь вкратце перечисляются последние археологические достижения «Начальства» – и метро, и работа на трипольских памятниках. Вспоминается несостоявшийся Сухум. А «странники-друзья, уехавшие вдаль» – это о Латынине, который уже был выслан в Куйбышев.

Последний экспедиционный сюжет отно-

сится к 1937 г. Потапов вместе с Татьяной Сергеевной отправился в Муганскую степь на раскопки Джафарханского могильника. Во время этого путешествия у него появилось несколько коротеньких стихотворных набросков. Все они записаны на отдельных четвертушках бумаги. В них обнаруживается кое-что и о научной судьбе любимого «Начальства», и о тяготах муганского пути. Вот, например, о «Начальстве»:

Итак, Вы видите, Начальство дорогое,
Враги разгромлены, отброшены с пути,
И вспоминается недавнее былое:
Наш паровоз, наш паровоз лети!

«...»

Мугань донская, в миражах, голубая,
Здесь предначертано звезде Вашей взойти
В археологии неведомого края...
Наш паровоз, наш паровоз лети!

19.8.37

Потапов широкими мазками простирает Мугань до самого Дона, а все для того, чтобы получше оттенить ширь новых горизонтов. Может быть, Татьяна Сергеевна и вправду подумывала о смене тематики. Хорошо известно, почему «Начальство» вместо Поднепровья отправилось в Муганскую степь. Были арестованы и расстреляны С.С. Магура и К.Ю. Коршак, вместе с которыми Татьяна Сергеевна три сезона работала в Коломыйщине (Формозов 2003).

А вот путевая зарисовка, живописующая тяготы избранного пути:

Сары-Джаивр, забытый и убогий,
Этап великого муганского пути!
Скажу одно (я критик ведь нестрогий):
Такой дыры нам больше не найти!

Глухою полночью во мраке непогоды
В Сары-Джаивр мы с поезда вошли.
Одну лишь грязь, махорку, пиво-воды,
Да груды тел, да груды тел нашли.

Что делать нам? Нет даже телефона.
Куда пойдешь, с кем установишь связь?
А небо, как пластинка патефона,
Черным-черно... Кругом же мрак и грязь...

В коричневой папке сохранились и сочиненные Потаповым песни. Сейчас это особенно интересно, потому что археологический фольклор 30-х годов совсем забыт. Приведу одну из таких песен, написанную 4-10 февраля 1935 г., за месяц до первого ареста Б.А. Латынина, когда все было еще относительно безоблачно:

Волга-матушка река

Эх, в ГАИМКе все нестойки,
Волга-матушка река,
Погляди на новостройки,
Заливая берега!

Припев:

Сирень цветет.
Не плачь, найдет
Латынин невольно
Финансов довольно!

Был полпред, и нет полпреда,
Волга-матушка река.
Поражение или победа?
Заливает берега.

Припев.

Пожалей канал московский,
Волга-матушка река:
Бадер в Крым сбежал надолго,
Заливая берега.

Припев.

В Фергану, в Хорезм, к Киммерам,
Волга-матушка река,
Всюду Боря нам примером,
Заливая берега!

Припев.

Он в Москве на Метрострое,
Волга-матушка река,
Экспедицию устроил,
Заливая берега!

Припев.

На Метро царит Татьяна,
Волга-матушка река,
И дурит Иоаннисяна,¹²
Заливая берега.

Припев.

Мишка наш бородкой светел,
Волга-матушка река,
Он попутный ловит ветер,
Заливая берега.

Припев.

От Свири до Кара-Кума,
Волга-матушка река,
Мало толку, много шума,
Заливая берега.

Припев.

Лишь в раскопках у Сухума,
Волга-матушка река,
Много блеска и без шума,
Заливая берега.

Припев.

Провались хоть Дон, хоть Маныч,
Волга-матушка река,
Все спасет Иван Иваныч,

Заливая берега.

Припев.

Эх, в ГАИМКе все нестойки,
Волга-матушка река,
Пожалей ты новостройки,
Заливая берега.

4-10 февраля 1935, Ленинград

Эти частушки – «моментальный» снимок всего, что происходило в археологии в начале 1935 г. Тут и новостройки, и финансы, и начало работ О.Н. Бадера в Крыму, и археологический контроль бюро полевых исследований, и размах археологических изысканий того времени, и всякие, не очень теперь понятные, организационные перипетии. Очень любопытны ироничные рассуждения о «полпреде», имя которого хорошо известно – Борис Латынин. Друзей, наверное, беспокоила опасная стремительность взлета его карьеры, равно как и масштабы нового поприща, и складывающийся круг профессионального общения.

В бумагах Потапова есть и очень грустные стихи.

Летом 1933 г. была написана элегия, посвященная памяти московского археолога Бориса Сергеевича Жукова, который раньше многих отправился в ссылку и безвременно погиб.

Памяти Бориса Сергеевича Ж. Элегия

Белеет выцветший, обтрепанный флажок
На куполе забытой колокольни.
И солнце дикое поля и степи жжет
И жжет тебя, суровых дней невольник.

Ты здесь один, без книг и без друзей
В пустынной дикости безлюдного Алтая.
Лишь ветер с гор, да пыль сухих полей,
Да колоколенки головка золотая...

Ты помнишь выцветший
обтрепанный флажок
Там, далеко, в Москве, над вывеской музея?!
Ты помнишь искристый, истоптанный снежок
Вблизи Нескучного, в его кривых аллеях?!

То были дни кипенья и борьбы,
И творческой, и радостной работы.
Кругом стеной бараньи перли лбы,
Кругом стеной стояли идиоты!..

Но ум и гений твой и твой энтузиазм
Тянули за собой ученых и поэтов.
Под вражий злобный вой, сквозь бурю
и маразм

¹² Ашот Гергенович Иоаннисян в 1935 году заведовал МОГАИМК.

Ты смело шел на штурм гнилых
авторитетов...

Остался выцветший обтрепанный флажок
Над куполом забытой колокольни.
Здесь, под холмом, он прах твой стережет.
Он, как и ты, суровых дней невольник.

Стена крепка, бараньи крепки лбы,
Велик еще гипноз гнилых авторитетов,
Но память о тебе есть знамя для борьбы
Твоих учеников: ученых и поэтов...

Июнь 1933
Дядя Саша.

Рукой Татьяны Сергеевны приписано: «25-26 VI 1933». Надпись сделана синим не отточенным карандашом. Создается впечатление, что едва ли не машинально.¹³ По-видимому, в 1939 г., когда она открыла папку с надписью «СТИХИ», многое было для нее новостью и читалось впервые. В коричневой папке есть и черновики, и доведенные тексты, а иногда и копии. Т.С. Пассек добавила к черновикам стихотворений Потапова варианты текстов, полученные ею в письмах, но сделала это не сразу, а почти через тридцать лет. В отдельном конверте со старым адресом Института археологии (1-я Черемушкинская, д.19) находились чистовые

варианты «Пасквилей на друзей» 1932 г., «Красного яичка» 1934 г., «Оды» 1936 г., «Именинного подарка» 1938 г. и несколько писем. Сам этот конверт косвенно указывает на 60-е гг. как на время воссоединения всех вариантов стихов А.А. Потапова под корочками коричневой папки. Наверное, это произошло, когда Татьяна Сергеевна стала разбирать свой архив. А после ее смерти весь фонд этих документов при поступлении в Институт археологии просматривала Л.А. Евтюхова и, наверное, отложила несколько чуждую среди них папку Потапова в сторону, а потом – в стол. Коричневая папочка еще раз в архив научного учреждения не попала. Теперь, надеюсь, ей повезет больше.

В заключение мне хочется поблагодарить В.В. Седова – последнего хранителя этих материалов в стенах ОПИ, передавшего их в Отдел бронзового века, а также Г.А. Брыкину, М.Д. Гвоздовер, М.А. Дэвлет, А.А. Формозова, Е.К. Черныш, М.И. Урысона, которые помогли мне разобраться в совершенно незнакомых сюжетах, их хронологии и географии. И, наконец, с глубокой благодарностью и почтением вспомнить о Наталии Кирилловне Качаловой, которой так хотелось найти новые материалы о Татьяне Сергеевне Пассек к ее столетнему юбилею. Неожиданное появление этих пожелтевших страниц – чудо, случившееся вопреки всему.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер О.Н. 1935. Работы на строительстве канала Москва – Волга. Отчет о работах в 1932–1933 гг. // Изв. ГАИМК 109.
Бадер О.Н. 1968. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА (4).
Ипполитова А.Б. 2001. История Музея народов СССР в Москве // ЭО (2).
Латынин Б.А. 1932. Архаический эквивалент мифа о Тристане и Изольде в мордовском фольклоре // ТИЯМ. Т. 2.
Латынин Б.А., Пассек Т.С. 1932. Мотивы Тристана и Изольды по материалам русской сказки // Тристан и Изольда. Ленинград.
Нащокина М.В. 1995. История усадьбы Васильевское // Мир русской усадьбы. Москва.
Пассек Т.С. 1935. Работы на строительстве московского метрополитена. Введение // Изв. ГАИМК 109.
Потапов А.А. 1925. К вопросу о путях распространения

- обсидиановых изделий в каменном веке из Закавказья на север // Второй краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа. Батум.
Потапів О.О. 1928а. Предісторичний Кавказ // СС (2).
Потапів О.О. 1928б. Деякі речі салтівської культури з Кубанщини в Музеї Грузії // СС (3-4).
Потапів О.О. 1930. Опуклонцевський посуд бронзової доби сточища р. Донця // ЗВУАК, т. 1.
Потапов А.А. 1935. Работы на строительстве московского метрополитена. 2-ой участок // Изв. ГАИМК 109.
Потапов А.А. 1938. Рельефы древней Согдианы как исторический источник // ВДИ (2).
Судьба ученого 2000. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. Санкт-Петербург.
Формозов А.А. 2003. О Татьяне Сергеевне Пассек // РА (3).
Potapov A.A. 1929. Inkrustierte Keramik von Belsk // ESA. Т.4

¹³ Борис Сергеевич Жуков (1892-1933) – антрополог, археолог. Родился в Нижнем Новгороде. В конце 20-х годов (по 1930) работал в Институте антропологии 1-го МГУ и в Музее народоведения (Ипполитова 2001). В 1930 году Жуков был арестован и сослан в лагерь на Алтае. Существуют две версии обстоятельств его смерти. Согласно первой из них, Б.С. Жуков умер в концлагере 29 мая 1933 года (Бадер 1968). Вторая версия, изустная, сохранилась в стенах Института антропологии и восходит к П.И. Башкирову – близкому родственнику Бориса Сергеевича. По этой версии, Жуков дожил до освобождения, а умер, вернувшись в Нижний. Есть расхождения и в датах (у Бадера – 29 мая, у Потапова – июнь, у Пассек – 25-26 июня).